

Георгиевский Эдуард Викторович

ЦЕРКОВНО-УГОЛОВНОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙ РУСИ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДСИСТЕМЫ)

В статье рассказывается о формировании в Древней Руси одного из самых важных составных элементов правовой системы - церковно-уголовного права. В целом анализируется генезис основных институтов общей части, определяются объем и специфика уголовно-правовой охраны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 64-67. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 343.2

В статье рассказывается о формировании в Древней Руси одного из самых важных составных элементов правовой системы – церковно-уголовного права. В целом анализируется генезис основных институтов общей части, определяются объем и специфика уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова и фразы: церковно-уголовное право; церковный законодатель; религиозное преступление; законопреступление; злые люди; покаяние.

Эдуард Викторович Георгиевский, к.ю.н., доцент

Кафедра уголовного права

Юридический институт Иркутского государственного университета

georgcrime@yandex.ru

ЦЕРКОВНО-УГОЛОВНОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙ РУСИ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДСИСТЕМЫ)[©]

Процесс становления Древнерусского государства был не одномоментным явлением и далеко не простым. Сейчас сложно предположить, как и сколько бы продолжался генезис этого становления, если бы княжеские властные полномочия в конце X - XI в. не были подкреплены государственной политикой Древнерусской Православной Церкви. Ведь помимо собственно конфессиональной деятельности Церковь делила с государством функции управленческие, осуществляя, пусть и в достаточно узком объеме, дипломатическую деятельность, а также принимая участие в «изменении ряда сфер и норм общественной жизни первичных социальных коллективов» путем осуществления собственной юрисдикции по определенной категории дел, подлежащих судебному рассмотрению [9, с. 98].

Русская православная церковь внесла значительный вклад и в развитие уголовно-правовой политики Древнерусского государства. Собственно сегодня мы вполне можем говорить о существовании историко-правового феномена под названием «Церковно-уголовное право Древней Руси». По широте охвата существовавших в то время общественных отношений, стройности, системности, преемственности и, что весьма немаловажно, компромиссности эта часть уголовного права Древней Руси во многом превосходила начинающее зарождаться светское уголовное право и отживающее свой век уголовное право древнерусской общины. Конечно же, подпитывая первое и базируясь на втором, церковно-уголовное право не претендует на полную автономность и максимальную широту охвата регулируемых уголовным правом общественных отношений. Более того, оно представляет собой лишь структурную часть системы уголовного права Древней Руси, но именно оно, существуя столь длительное время параллельно со светским уголовным законодательством, оказало неоценимое влияние на формирование и развитие последнего.

Христианизация Руси, осуществляемая на первоначальном этапе во многом насильственно, привнесла кардинальные перемены буквально во все сферы жизни древнерусского язычника, в том числе и в его правосознание, которое тем не менее не являлось к тому времени «чистым листом». Понятие религиозного преступления наши предки уже знали, просто при христианизации начинает изменяться вектор общественной опасности таких посягательств. Пантеон языческих богов, еще совсем недавно так трепетно защищаемый и оберегаемый как в духовном, так и в материальном смыслах, начинает рушиться, ему на смену приходит новое понимание Бога. Количество религиозных языческих преступлений начинает перерастать в новое христианское качество. При этом многое из того, что раньше было разрешено, в новых условиях с неизбежностью подпадает под церковно-уголовный запрет. Такое глобальное смешение сущего с должным не может не привести к трансформации правосознания. Феномен русского двоеверия закрепляется в том числе и в правовом поле – еще недавно языческие божества частью начинают превращаться в бесов, частью сливаются с новыми христианскими святыми. Привычный, вековыми обычаями отточенный образ жизни частично разрушается и видоизменяется, но во многом и совпадает с новой православной моралью. Хотя полной христианской самоидентификации русский человек так и не достигает.

Церковные и светские уголовные законы греко-римского права, привносимые одновременно с процессом крещения на Русь, изначально чужды и сложны для понимания, а следовательно, не могут применяться в полном объеме либо требуют соответствующего национального подтверждения и закрепления, что реализуется в уставной деятельности сначала великих, а затем и удельных князей. И хотя такая деятельность отечественного законодателя во многом ставится под сомнение, ее трудно переоценить. Она в полном объеме раскрывает всю специфику лингво-правовых особенностей древнерусского права, не растворившегося под настойчивым напором иноземных канонов. В этом совершенно специфическом смешении норм рецепируемых, откровенно трансмиссионных, переводных и отечественных рождается совершенно новое церковно-уголовное право Древней Руси, которое, по свидетельству многих исследователей, представляет собой совершенно новую правовую формацию [1, с. 88; 6, с. 46].

О масштабности, а самое главное – зрелости церковно-уголовного права Древней Руси свидетельствует совершенно специфический диапазон объектов уголовно-правовой охраны, из которых практически на первом месте находятся основы общественной морали и нравственности, а также устои семьи. Хотя, конечно же, среди них (условно назовем их интегрированными объектами) можно выделить целый ряд объектов более узкого характера – это жизнь, здоровье, половая свобода и неприкосновенность, честь и достоинство личности, собственность и другие. никоим образом не забыты и базовые (родовые) объекты – православная догма и обрядовые практики как методологический инструмент сохранения семейного, общинного, мирового и вселенского порядка.

Древнерусская Православная Церковь проявляет гораздо большую тонкость в определении таких объектов, в определенном смысле «подчищая» огрехи светского законодателя, порой совершенно забывающего об определенных категориях специальных потерпевших (дети, женщины, беспомощные лица и др.). Такое юрисдикционное размежевание светского и церковного законодателя (в ряде случаев совпадающего в лице великих князей) тем не менее не приводит к хаосу, а даже наоборот, реализуется в дуализированной процессуально-судебной форме, принося не только моральное, но и материальное удовлетворение обеим сторонам. И в этом в том числе проявляется гармоническое единение «священства и царства». Хотя порой и не обходится без издержек, так как незабываемость и изначальную неприкосновенность церковной юрисдикции почти постоянно приходится подтверждать особыми распоряжениями княжеской власти.

В рамках уголовно-правовой юрисдикции Русской Православной Церкви формируются специфическое понятие преступления и наказания, а также ряд других основополагающих и общих институтов уголовного права, которых не знает еще пока или знает в недостаточной степени светское уголовное право.

Преступление, в соответствии с канонами Русской Православной Церкви, это, прежде всего, посягательство на божественные установления, т.е. грех, и только после этого это нарушение определенного порядка общественных отношений. Именно этим в большей степени определяется общественная опасность религиозного посягательства. Возможно, поэтому уже в памятниках канонического права Древней и Средневековой Руси используется термин «законопреступление» как нарушение Закона Божия. Категория греха как нравственной несправедливости значительно «усложняла» устоявшееся сугубо материальное понятие преступления в Древней Руси.

Особой спецификой обладает признак противоправности, обусловленный огромным количеством законодательных актов, содержащих в различных интерпретациях нормы религиозного характера. Начинает развиваться виновность как признак преступления, в большей степени предполагающий не столько четко выверенные формы вины, сколько, в первую очередь, нравственную мотивацию содеянного. Тем не менее виды и формы вины также начинают приобретать вполне отчетливые контуры – во всяком случае, умышленная и неосторожная форма вины уже различаются, хотя, вполне вероятно, не всегда последовательно. Более того, уже в XI в. мы находим документальные подтверждения существования института невиновного причинения вреда – «не ведоуче», что исключало уголовную ответственность. Во многих отечественных канонических актах в отдельных нормах устанавливаются общие условия наказуемости за нарушение данных законоустановлений.

Но если общее понятие преступного в церковно-уголовном праве Древней Руси сформировалось достаточно быстро, то этого же нельзя сказать о едином термине для обозначения понятия преступного. В различные периоды Церковью употреблялись следующие термины: «стрешение», «грех», «злодеяние», «злое дело», «богомерзкое дело», «беззаконие», «досада» и уже упоминаемое «законопреступление» или «преступление Закона Божьего», но общего, единого обозначения сформировано так и не было. Преступников же начинают именовать исключительно «злыми людьми». Эта категория субъектов выделяется в связи со специфическим формированием мотивации преступного поведения. Причем церковно-уголовному праву Древней Руси хорошо известна категория специальных субъектов.

Процесс привнесения в сугубо материальное понятие преступления субъективных элементов, формирование его формально-нормативных признаков начинают оказывать влияние и на светского законодателя, постепенно уходящего от понятия «обида» и приближающегося к понятию преступного как «лихого дела». Отсюда и преступник начинает рельефно преобразовываться в «лихого человека», постепенно теряя свое прежнее значение «родо-племенного мстителя», одобряемого общественной моралью. Данная аналогия более чем очевидна.

С изменением понятия преступления с неизбежностью меняется и отношение к наказанию, и само его понятие. Процесс трансформации института наказания церковно-уголовным правом еще более кардинален. Наиболее общим образом смысл уголовно-церковного наказания в Древней Руси можно выразить через термин «покаяние». Именно покаяние, по свидетельству ряда исследователей, отражало в полной мере и суть, и цели наказания, применяемого Церковью [8, с. 54-55]. В его содержание практически одновременно входит и устрашение, и воздаяние, и врачевание души, и страдания, которые необходимо претерпеть для очищения и возвращения в лоно Церкви. Более того, именно покаяние как нельзя лучше интегрирует в себе одну из современных целей наказания – восстановление социальной справедливости.

Но покаяние было не единственным видом наказания, применяемого Древнерусской Православной Церковью, а значит, и суть наказания в целом вряд ли можно отразить вышеприведенными характеристиками. Помимо покаяния существовало и отлучение, и множество внутренних церковных дисциплинарных практик [3, с. 296; 7, с. 259-260]. Да и дуализм светского и церковного суда вносил достаточно разнообразия в применение карательных мер к провинившимся. Тем не менее цели общецерковного наказательного воздействия были определены достаточно четко. Целью сугубо церковных наказаний было исключительно нравственное исправление преступника, предполагавшее дальнейшее обязательное возвращение его в лоно Православной Церкви. Но кроме этих исключительно христианских целей Древнерусская Православная Церковь преследовала

также и другие, во многом утилитарные цели. Возможно, именно поэтому возник такой разноречивый мнений среди исследователей – от простого «очищения совести» исключительно до устрашения и нравственного возмездия.

Помимо преступления и наказания как основополагающих институтов криминальное право Церкви начинает формировать ряд других категорий уголовного права общего характера. И прежде всего необходимо отметить действие церковно-уголовного закона по кругу лиц, при котором формируется специальный субъектный состав целого ряда религиозных преступлений. Кроме того, именно в церковных законодательных памятниках мы впервые встречаемся с неким прообразом действия уголовного закона в пространстве, когда решаются вопросы преимущественной юрисдикции того или иного удельного властителя, определяется место совершения преступления, нахождения преступника и предметов, добытых преступным путем. А в ряде частных случаев примечательно действие церковно-уголовного закона во времени – например, когда любая кража, совершенная за неделю до и после Петрова дня, составляла исключительно уголовно-правовую юрисдикцию Русской Православной Церкви [2, с. 200].

Именно Древнерусская Православная Церковь способствует зарождению некоторых базовых уголовно-правовых принципов отраслевого характера, таких, например, как индивидуализация наказания, принцип справедливости, а также запрещение наказывать дважды за одно и то же преступление.

Вполне уместно, на наш взгляд, сказать и о появлении некоторых общих контуров институтов соучастия («умышники» и «толочане» и индивидуализация их наказания), стадий совершения преступления (когда уже выделяют стадию формирования умысла и покушения), крайней необходимости (когда, например, поп имеет фактическое право служить в пределах чужого прихода в исключительных ситуациях).

Происходит формирование института обстоятельств, смягчающих наказание. К ним относились искреннее покаяние и возможность его осуществления, общее состояние кающегося (состояние опьянения, сиротство), а также вид преступного посягательства, характер и степень тяжести, способ его совершения. Особым обстоятельством, которое можно было бы с полным основанием отнести к обстоятельствам, смягчающим наказание или даже исключаящим его, являлся институт «духовного убежища». В ряде законодательных актов устанавливаются сроки давности, обусловленные либо конкретными сроками (3 года), либо временем правления того или иного властителя [5, с. 427].

Но простым реагированием на совершенное посягательство Древнерусская Православная Церковь не обходилась в принципе. Именно ей, возможно, во многом обязана и современная наука криминологии, получившая в наследство прекрасно выверенные для своего времени формы предупреждения преступных посягательств. Такая превенция осуществлялась различными способами – распространением апокрифической и житийной литературы, герои которых представляли собой образцы для подражания, в том числе путем закрепления ряда сюжетов в правовых сборниках; различными художественными средствами; а также непосредственно «живым» словом, т.е. путем проповедования. Но, понимая всю важность ранневозрастного предупреждения совершения преступлений, Русская Православная Церковь не ограничивается только этим. Она включает нормативные положения превентивного характера непосредственно в церковные законодательные акты, заставляя не только пастырей наставлять на путь истинный своих духовных чад, но и родителей с детства воспитывать подобающим образом своих детей [4, с. 274].

Формирование многих общих начал, изначально присущее именно церковному уголовному праву, в незначительной степени способствовало дальнейшему развитию уголовного права в целом. Но этим значение церковно-уголовного права далеко не исчерпывается. Заслуживает внимания и кропотливое конструирование системы конкретных видов преступлений и наказаний за них.

Диапазон объектов уголовно-правовой охраны Древнерусской Православной Церкви, как мы уже упоминали, был достаточно широк. И именно церковно-уголовному праву современное уголовное право обязано появлением целого ряда составов – тех составов, которые не исчезли вместе с исчезновением религиозных преступлений. Эти составы, конечно же, претерпели в ряде случаев серьезные трансформации на протяжении истории уголовного права в России, но их юридические контуры были оформлены именно Русской Православной Церковью. Это изнасилование, детоубийство, вандализм, жестокое обращение с животными, невыполнение обязанностей по воспитанию детей и ряд других составов. Кроме того, церковно-уголовное право начинает формировать понятие должностного преступления, пусть в неявном виде, пусть порой на уровне церковной дисциплинарной практики, но такой подход к служебным преступлениям был свойственен эпохе в целом.

Помимо собственно религиозных преступлений церковно-уголовное право занимается регулированием вопросов размежевания со светской властью и некоторых общеуголовных преступлений – в основном это посягательства против личности и собственности. Отличие проводится при этом по предмету (в составах хищений), по специальному потерпевшему (в посягательствах на жизнь, здоровье, честь и достоинство, половую свободу и неприкосновенность), по субъективной стороне (убийства в праздничных боях и др.).

Церковно-уголовное право как структурная часть системы, конечно же, не могло развиваться независимо от других подсистем уголовного права Древней Руси, но свою «нишу» в уголовно-правовом поле Древнерусского государства Церковь заполнила достаточно плотно. Разграничивая сферу уголовно-правовой юрисдикции со светской властью и общиной, Церковь достаточно последовательно и систематично формировала совершенно особую совокупность преступлений, получивших общее наименование религиозных. Не все на этом многотрудном пути было достаточно гладко и безоблачно, однако это никоим образом не умаляет, на наш взгляд, всей важности и значимости в истории Русского государства целой уголовно-правовой эпохи, которую подарила нам Русская Православная Церковь.

Список литературы

1. **Бойко А. И.** Римское и современное уголовное право. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 257 с.
2. **Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв.** / издание подготовил Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. 240 с.
3. **Павлов А. С.** Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. 384 с.
4. **Памятники древнерусского канонического права** // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссией. СПб., 1908. Т. 6. Ч. 1. Памятники XI-XV вв. 679 с.
5. **Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв.** // Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. Вып. 3. 529 с.
6. **Попов А.** Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типолитография императорского университета, 1904. 521 с.
7. **Суворов Н. С.** Учебник церковного права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 504 с.
8. **Суwegeина Н. А.** Преступление и наказание как проблема христианской этики // Государство и право. 1995. № 8. С. 54-55.
9. **Щапов Я. Н.** Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.

CHURCH-CRIMINAL LAW OF ANCIENT RUSSIA (THE SUBSYSTEM GENERAL CHARACTERISTIC)

Eduard Viktorovich Georgievskii, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law
Juridical Institute of Irkutsk State University
georgcrime@yandex.ru

The author tells about the formation of one of the most important legal system constituent elements in ancient Russia – church-criminal law, analyzes as a whole the genesis of the general part basic institutions and determines criminal-legal protection scope and specificity.

Key words and phrases: church-criminal law; church legislator; religious crime; offend against law; evil people; repentance.

УДК 947(470.41)

Выявлены некоторые изменения в планировке, строительстве, а также внутреннем убранстве крестьянских изб, которые проявились в 1920-е годы. Крестьянская усадьба продолжала оставаться той сферой развития материальной культуры, где традиции, определявшие образ жизни сельского человека, оправдывали различные проявления его консерватизма в области строительства жилища и планировки интерьера. Борьба с крестьянством негативно отразилась на изменении традиционного опыта постройки и декорирования жилья.

Ключевые слова и фразы: Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР); крестьянство; традиционная культура; крестьянская усадьба; утварь.

Денис Владимирович Давыдов, к.и.н., доцент
Кафедра истории и связей с общественностью
Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева
davdv@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЙКИ И ДЕКОРИРОВАНИЯ
КРЕСТЬЯНСКИХ ЖИЛИЩ В 1920-Е ГОДЫ[©]**

В современных условиях развития российского общества вновь обретают свою актуальность проблемы изучения культуры и быта села, способствующие поиску «общетеоретических, концептуальных подходов к анализу основных событий родной истории» [1, с. 291]. Для этого необходимо обращение к некоторым базовым вопросам. К их числу можно отнести такие проблемы как изменение внешнего облика крестьян [8], потребление ими продовольственных продуктов [9], а также особенности планировки, постройки, декорирования жилых и хозяйственных помещений, в наибольшей степени отразившие способность хозяйства приспособиться к условиям окружающей природной и социальной среды. Недаром крестьянское жилище представляло собой своеобразный жилой и производственный комплекс: «крестьянская постройка – это не столько жилье, сколько хозяйственное устройство, в ней изба – только часть единого целого, всей усадебной застройки, преследующей производственные цели, а не только жилищные» [18, с. 3].

Объектом пристального изучения современников стал не только внешний вид и особенности постройки крестьянского жилья, но и общий характер планировки сельских поселений, расположение улиц, площадей,